

ГЛУМЛЕНИЕ НАД «ИСПУГАННЫМИ ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ»

Когда я училась, ни стихов, ни прозы Ивана Бунина в школе не изучали. Стихотворение, о котором пойдет речь, ждало своего часа 73 года.

ИСТОРИЯ ПРЕДЫСТОРИИ

"Разбираю и частью рву бумаги, вырезки из старых газет. Очень милые стишки по моему адресу в "Южном рабочем" (меньшевицкая газета, издававшаяся до прихода большевиков):

*Испуган ты и с похвальбой сумбурной
Согнулся вдруг холопски пред варягом...
Это по поводу моих стихов, напечатанных в "Одесском листке" в декабре прошлого года, в день высадки в Одессе французов.*

...Какими националистами, патриотами становятся эти интернационалисты, когда им это надобно! И с каким высокомерием глумятся они над "испуганными интеллигентами" — точно решительно нет никаких причин пугаться — или над "испуганными обывателями", точно у них есть какие-то великие преимущества перед "обывателями". Да и кто, собственно, эти обыватели, "благополучные мещане"? И о ком и о чем заботятся вообще революционеры, если они так презирают среднего человека и его благополучие?". И. Бунин, "Окаянные дни".

Замечательный текст, я его трудно искала по московским кухням в 1986 году. Он мне срочно понадобился, потому что... Впервые, я потеряла за неделю до защиты в историко-архивном институте написанную дипломную работу. Во-вторых, за два месяца до этого печального случая в Одесском областном архиве (который меня командировал на курсы усовершенствования в Москву) — нашла я неизвестное стихотворение Ивана Бунина. Оказалось, что оно вредно для всех, и для репутации Бунина тоже. Поэтому никому не нужно. И вот, раздумывая над пренеприятнейшей ситуацией, я искала выход, и меня озарило: фотокопия рукописного бунинского никому не известного стихотворения у меня есть, дипломной работы — нет, и, может быть, попробовать написать новую, заручившись поддержкой серьезных понимающих людей? Взяла я стихотворение и пошла по инстанциям, они привели в "Огонек" к редактору, Льву Никитовичу Гушину.

— Вот, — говорю, — такая история. А вот — стихотворение. Сможете опубликовать? Если да, то я статью напишу и диплом тоже, и все будет хорошо.

Лев Никитович спрашивает — когда напишете?

— Ну, если у Вас есть "Окаянные дни", то сразу и напишу.

— А зачем Вам "Окаянные дни"?

— А там что-то было по поводу этого стихотворения, мне кажется...

Только у кого же в 1986 году был самиздатский или тамиздатский Бунин? Даже у редактора "Огонька" его не оказалось.

("Окаянные дни" Бунина в 1989 году сразу три журнала опубликовали — "Даугава", "Литературное обозрение" и "В мире книг". Еще выходили дневники в 1935 году в берлинском издательстве "Петрополис" и в этом же 1935 году — в Лондоне, в издательстве "Заря". Именно эти издания 1935 года искала я.)

Спустя сутки сидела я в малоизвестном доме (поэта Л. Коладжской), выписывая цитату, ставшую зачином этого вот моего "мемуара". На следующий день Лев Никитович Гушин проводил меня к Олегу Никитовичу Хлебникову, любезно оставившему наедине с печатной машинкой в своем кабинете. Пока я шла к машинке, между двумя Никитовичами, заговорила — чтобы сбилось, чтобы я защитила и чтобы опубликовали моего Бунина. Все вышло, как загадалось. Даже рекомендацию к публикации получила, приложением к пятерке. И... благополучно не опубликовала — ни в журнале "Огонек", ни в газете "АиФ", куда унес мою дипломную работу нечаянно встретившийся на пути к публикации Владислав Алексеевич Старков, тоже побещавший дать злему Ивану Алексеевичу Бунину — зеленый свет. Да, видно, светофор

сработал на "красное". Такое плохое, антисоветское, антигосударственное, антиленинское стихотворение — да в твердых правилах 1986-м годе — опубликовать?!

Стихотворение было опубликовано журналом "Нева" в 1991 году. Я до сих пор у всех спрашиваю: Вам попалось, Вы знаете последнее стихотворение Бунина, про Варяга? Сегодня 2002 год, я все еще никого не встретила, кто бы знал.

ПРЕДЫСТОРИЯ ИСТОРИИ

А кто знает жизнь города лучше, чем редактор местной газеты? Я выдвигаю архивный ящик-посылку из прошлого, пахнущий клеєм и скрывающий время, измеренное жизнью и трудом редактора "Одесского листка" Сергея Федоровича Штерна. Это время называется: фонд Р-156, опись № 1, единица хранения №... — а дальше дела, дела, различаемые по инвентарным номерам, заголовкам и датам.

Год 1918, декабрь. В это время в Одессе, в домике, сползающем с обрыва в море, жил Иван Бунин, усталый и раздраженный. И почерк у него был резкий, с буквой "Г", словно перечеркнутый знак восклицания.

Открываю дело № 38. Удивительно и незабываемо бежит по обычной, в голубую линейку, бумаге нервный бунинский почерк с просьбой к редактору: "В том тексте, что Вы мне прислали, я сделал поправки, но думаю, что там их трудно разобрать. Вот вам текст, который и прошу воспроизвести как можно точнее. Ив. Бунин".

ИСТОРИЯ

Читаю о Буине все, что нахожу: должно же быть где-то что-то об этом стихотворении... И вдруг в "Окаянных днях" нахожу то, что позволяет точно датировать стихотворение. На листочке, отправленном Бунным Штерну, стоит декабрь 1918 г. А в "Дневнике" — "...в декабре прошлого года, в день высадки в Одессе французов".

Они там три дня высаживались, французы — 27, 28, 29-го. Хорошо бы отыскать саму публикацию. Увы — многое унес и припрятал этот переломный одесский год.

Вот и сошлись у меня даты и тексты, потери и находки. Хочу, чтобы строчкой к строчке возвратилась память об этих днях, пусть "окаянных", изо всех заграничье, где ей надлежит быть. Если написано это родным языком, многострадальным — о многом страдании.

Мне говорили: "Что ты, это непубликабельное стихотворение, и к тому же не лучшее бунинское".

От поэта, покидающего Родину на изломе судьбы, ожидали стихов светлых, вне сомнений, страха и упрека? Чтобы удобнее уложились в избранные сочинения?

Иван Алексеевич писал так, как жил и как думал в окаянные дни, мучаясь. Не принимая. Честно. Ибо лгать не мог:

*И боль, и стыд, и радость. Он идет,
Великий день — опять, опять Варяга
Вручает обезумевший народ
Свою судьбу и темную отвагу.*

*Да будет так. Привет тебе, Варяг!
Во имя человечности и Бога,
Сорви с кровавой бойни наглый стяг,
Смири скота, низвергни демагога.*

*Довольно слез, что исторгал злодей
Под этим стягом "равенства и счастья"!
Довольно площадных вождей
И мнимого народовластья!*

Ив. Бунин. 1918 г.

Это, может быть, последнее стихотворение И.А. Бунина, написанное на родной земле. Мы имели право любить, понимать и знать судьбу и творчество поэта во всей полноте, а не отредактированный вариант. Судьба и творчество инвариантны.

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ.
1986 — 1991 — 2002 г. г.
Одесса — Ленинград — Москва.

Олег ГУБАРЬ

(Из новой книги)

АНАХРОНИЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Помню, очень меня когда-то впечатлили воспоминания Е.П. Янковой о ребенке-Пушкине. Свидетельства мемуариста чистого, искреннего, богобоязненного и притом реалиста. "Большой увалень и дикарь". "Очень он был неловок". "Не знаю, каков он был потом, но тогда глядел рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось... Мальчик Грибоедов, несколькими годами постарше его, и другие их товарищи были всегда так чисто, хорошо одеты, а на этом всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно".

Не хочется банальностей, но приходится констатировать, что повзрослевший мальчик представляется не просто отменным многоборцем, но даже чемпионом по отдельным видам, скажем, по стрельбе и ухаживанию. Типологический сценарий о неумехе (он же — кулема), силою обстоятельств трансформирующимся в Рокки и прочие "крепкие орешки". В этом, собственно, и состоит антикомплекс — как комплекс преодоления комплекса.

Равнение на Пушкина! Хотя кто-нибудь комплексует по поводу груди четвертого (или другого номера) человека. Дело житейское. Но комплекс тут на поверку вовсе другой, хотя как бы и разнообразность описанного. "Кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы слишком пригляд-

ным". Какой, однако, деликатный эвфемизм. Страшный, прямо скажем, был ребенок. Необыкновенный. Черненький. Кавказской, короче говоря, национальности. Экзотический, примерно, экстерьер. Заведомая фора твоим соратникам по детским и взрослым играм.

Представляете, шестилетний российский дворянин с потрясающе негритскими чертами. Да вот на наших же глазах подросла братская помощь студентов развивающихся стран южного континента. Каково этим детям, знают только они сами. "Лучше быть евреем", — как-то сказал мне один из них. Просто-таки анекдот о негре, в людном месте перелистывающем еврейскую газету.

Вульгарные мыслители заявляют, что нет худших антисемитов, нежели сами евреи. Тогда уместно сказать, что и Пушкин был антисемитом именно в таком контексте. И это можно назвать самоотрицанием формы. С последующим стремлением изменить форму, сохранив содержание. Что, вероятно, еще никому не удавалось вполне. Я могу сказать только, что Пушкин на свой лад был евреем.

Вкрапленность в культуру в некотором смысле лишает свободы маневра. Слабо сцементированная мозаика разрушается. Разумеется, нездешний нети-

пичный камешек разнообразит палитру и в гамме радует глаз, но при этом ему, может быть, неуютно ложится, или не спится, или он рискует спиться.

Сколько нас мыли и катали. Я уже и сам был рад обкататься и смыться, утрачить рожи лица необщительного колорита. Но меня повсюду узнавали. Или, как принято говорить, вычисляли. Такая особая примета во всю голову. Поневоле начинаешь созавать себя полудрагоценным поделочным камнем. А хочется слиться с породой. Не быть породообразующим минералом.

Как будто бы все так хорошо умеют стрелять, ездить верхом, пить пунши, фехтовать, волочиться за барышнями, плясать мазурку, проигрывать имения и вызывать на дуэли. Я учился этому прилежно и вместе вдохновенно, будто карьеру делал. Переписывал "памятников", бил морды заводилам регионального разлива, плавал за горизонт, коллекционировал барышень... Чтобы, обскакав всех в молодечестве и надорвав печенки, удостоиться уважительного: "А он хороший человек. Хотя и еврей". И с радостным чувством исполненного долга отползти от родного пепелища к отеческим гробам.

Ах, Пушкин, Пушкин... Сукин ты сын.

Но как все же славно, что ты выстрелил тогда, лежа на окровавленном снегу. Выстрелил и не промахнулся.

МАСКИ-ШОУ

Пытаюсь вспомнить, с каким чувством ходил на первомайские и ноябрьские демонстрации. Тут надо четко разграничить детские и взрослые походы. Потому что сначала на палочках были петушки, а не портреты членов Политбюро.

"Организованной толпой коровы шли на водопой". Помните?

Что-то такое есть в упорядоченной толпе. Вероятно, генетическая память нам не изменяет — не с кем. Толпа — образ стихии. В том числе — подосознательный. Как это там принимались бросать в народ медные деньги. Об этом как раз и сказано про нежданно свалившуюся на тебя кругленькую сумму. Плюс погромы. Плюс Ходынка. И такое прочее.

"Хлеба!" — понятно. А вот "Зрелищ!" — не вполне. Эстетика — эстетикой. Канализирование эмоций, эмоциональный всплеск, геотектоническая разгрузка, выпускание пара — тоже, вроде бы, прозрачно. И все? Все ли? Наличествует еще такая штука, как массовость. И сейчас мне скажут о соборности, общности, всеобщем порыве и чувстве эмоционального (эстетического) единения. О Законе Больших Чисел. И впрямь нечего возражать. Но ведь брюхом же чую: недостает какого-то важного компонента. Может быть, важнейшего среди прочих. Какого?

В памяти всегда на первом месте декоративность. Те же петушки на палочках, цыганские крашенные "шарики" — презервативы, музыкально пукающие "уйди-уйди", набитые опилками многоцветные колбочки на резиночках. И мы, иначе (празднично) наряженные, немножко другие. "Ну и что же, — парируют, — это же такой совковый паллиатив карнавала. А об этом-то последнем — все сто томов чужих партийных книжек".

Ну да. Пир во время чумы, ненасытное обжорство накануне мясопустицы, детский крик на лужайке в виду жизни напрасной. Праздник первобытного коллективизма. Сконцентрированный, спрессованный потенциал. Творческие пресервы. Еще бы.

Парад масок. Шествие. Процессия. Имитация чего? Может, какого-то иного

мироустройства. Кардинальное перераспределение ролей. Тогда теоретически получится другой миропорядок, рукотворный. Тотально комфортный. Уютный. Безопасный.

Это и называется "Кем быть". Кто на чем-то там сидел, кто на что-то там глядел. Если вам больше нечем гордиться, то гордитесь хотя бы древностью профессии. Мамы наряжают пупсов ангелами во исполнение вековой мечты человечества. Зайчиками. Кошечками. Белочками. Я, например, был Зайчиком. Меня Дед Мороз таскал в мешке вместо подарков. А далее, по сценарию, как бы ошибочно вытаскивал оттуда. Извлекал за уши, и я во всю прыть мчался наутек. То есть и в самом деле был еще тем подарком.

Какая разница, знаю я тебя, маска, или нет. Важно себе подобрать подходящую. И оставаться неузнанным. Тогда все пойдет по-другому. И наступит коммунизм.

Как усердно готовился город к маскараду! Месяцами, неделями рукодельничал. Строил светлое будущее. Мы же, как никак, кузнецы своего счастья. Оборочки, бретелечки, крахмальная архитектура манишек и манжет. Уже уютжат фрак церемониймейстеру — дирижеру Буфье. Пиротехник Руджейро начал пробное покорение Вселенной фейерверками.

Мы не можем ждать милости от природы. Поэтому мы работаем руками. Искусство — всего-навсего, искусственное. Очень просто. Мы наш, мы новый мир построим. Напишем декорации, сошьем костюмы, подберем реквизит. Вот нам и мир-театр, по нашему новому образу и подобию. В котором все, кому ни лень, актеры. Потому что ведь изначально "все не так, ребята". Не мы лепили, не мы кроили. Никаких гарантий. Ненадежно. "Ой, не доверяю я Тебе". Надо — эксклюзивно, по спецзаказу, "индпошив, а не ширпотреб". И швец, и жнец, и на дуде игрец. Техника должна быть на высоте. (Старый анекдот. Социальное положение сапожника? Сидячее).

А то что это за демонстрация получается? Мы — не мы. Мы немцы. Две враждующие стороны... одной медали.

Карнавал — это собственноручное сотворение мира.

... Господи, и что из меня вырастет?

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____, газета отпечатана в типографии «СІС».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Марашлевская, 7. Тел. 249-080.